

Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (<https://nashagazeta.ch>)

Майкл Скаммелл: «С Россией я расставаться не собираюсь» | Michael Scammell: "Je ne dis pas au revoir à la Russie"

Author: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 13.07.2011.

Майкл Скаммелл в Женеве (© Nasha Gazeta.ch)

В связи с проходящей в Женеве выставкой «[Солженицын, мужество писать](#)» мы с удовольствием знакомим читателей с автором первой биографии Александра Исаевича, вышедшей в США в 1984 году.

| Tandis que l'exposition "Solzhenitsyn, le courage d'écrire" continue à la Fondation Bodmer à Genève, nous vous présentons l'auteur de la première biographie du célèbre écrivain

russe, publiée en 1984 en USA.

Michael Scammell: "Je ne dis pas au revoir à la Russie"

Майкл Скаммелл приехал в Женеву на несколько дней в мае для презентации своей последней книги, биографии Артура Кестлера, известного в России как автора романа «Слепая тьма», раскрывающего суть сталинских показательных процессов. К сожалению, дальнейшие планы не позволили новоявленному пенсионеру – буквально за неделю до этого Скаммелл ушел с поста профессора Колумбийского университета, где с 1994 года преподавал искусство художественного перевода – задержаться в городе Кальвина, так что на открытие выставки Солженицына он не попал. О чем очень сожалел.

Солженицын и стал поводом для нашей встречи, однако при знакомстве с Майклом Скаммеллом выяснилось, что тем для разговора гораздо больше.

Но скажем, как полагается, несколько слов о нашем собеседнике. Во-первых, американский литературовед на самом деле – англичанин. В детстве много читал, но особо интереса к литературе не проявлял, хотя школьный учитель и сказал ему что-то вроде «Скаммелл, хорошо у тебя язык подвешен, не пойти ли тебе в журналисты?». Майкл пропустил это мимо ушей.

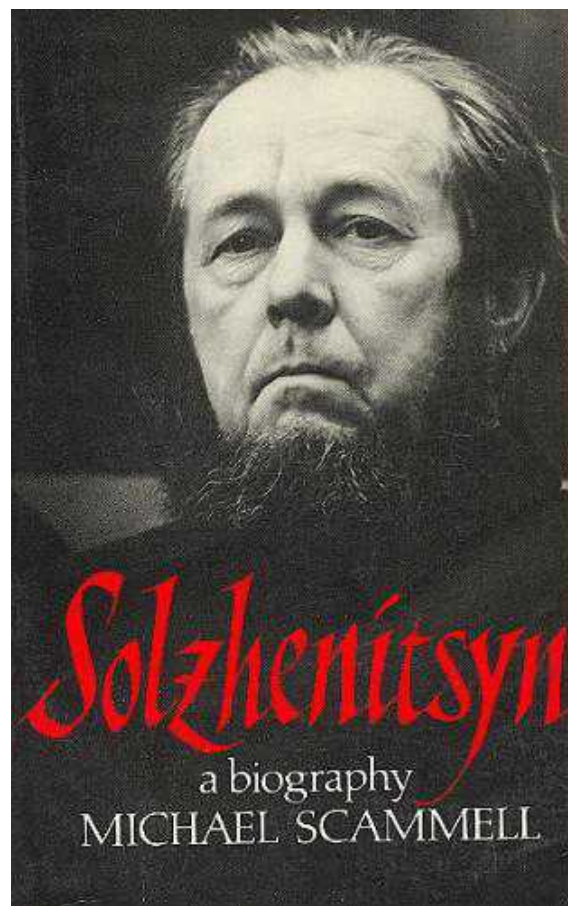
Как ни странно, и к литературе, и к русскому языку и вообще ко всей своей последовавшей жизни Майкл Скаммелл пришел благодаря службе в Британской армии. Вот как это получилось.

- Поступая на службу, я поинтересовался, в каком подразделении можно кататься на мотоцикле. Мне сказали – в разведке, – рассказывал он Нашей Газете.ch, попивая свежавыжатый лимонный сок на уютной террасе кафе «Лирик», что рядом с Женевской оперой. – Вот я и попросился в Field Security Office, где в мои обязанности входило переезжать от лагеря к лагерю, проверяя, все ли в порядке. Однако вскоре меня перевели в Объединенную службу иностранных языков (Joint Services School for Languages), где в течение 18 месяцев обучали русскому языку.

Наша Газета. ch: На шпиона готовили?

Майкл Скаммелл: По официальной версии – на случай войны, для проведения допросов советских военнопленных. Но если серьезно, это было потрясающе: нас учили так называемые «белые русские», white Russians, причем не только военным терминам. Мы читали Пушкина, Чехова, Толстого, выпускали стенгазету и даже ставили спектакли на русском языке. Этой частью заведовал такой господин Раевский, раньше работавший во МХАТе.

То есть армия привела Вас в литературу. Оригинальный маршрут.

Но именно так и получилось. Дело в том, что до армии, в 16 лет, я оставил школу и совершенно не собирался учиться дальше. Однако после службы поступил на русское отделение Университета Ноттингема, где стал одним из лучших студентов.

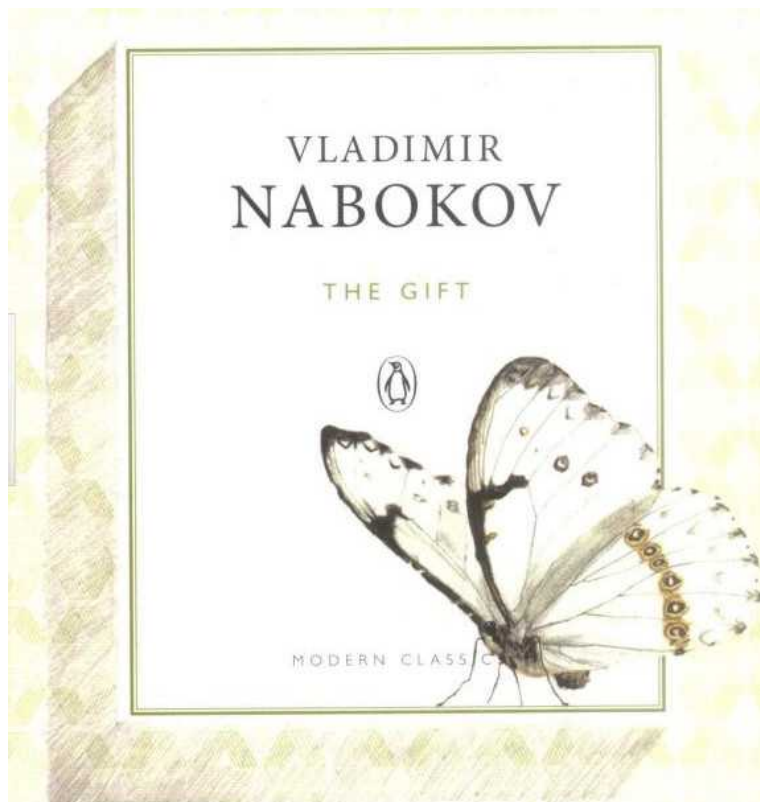
На литературном поприще Вы много занимались переводами восточноевропейской литературы, в том числе, русской. Первым Вашим серьезным трудом стал перевод книги Константина Федина «Города и годы». Почему именно это произведение?

У меня в Ноттингеме был профессор по советской литературе, подлинной страстью которого был Серебряный век и модернисты. Его интерес к Федину, о котором он много рассказывал и который «подходил» под его любимую категорию, привел меня к тому, чтобы перевести отрывок из романа «Города и Годы». Я также переводил Маяковского, по которому, кстати, писал дипломную работу.

И вот так случилось, что, когда я поступил в Колумбийский университет, то уже во время первого семестра случайно услышал, как один профессор говорил другому, что «рекомендовал бы перевод Федина к публикации». Я позволил себе вмешаться: «О какой книге речь?» «Города и годы». Я сказал, что у меня уже есть часть перевод, представил им, они приняли, так и получилось.

Англоязычные любители словесности обязаны Вам переводом «Дара» и «Защиты Лужина» Владимира Набокова. Известно, что Набоков, а еще больше его жена, Вера, очень придирчиво относились к переводам. Вы уже рассказывали о некоторых сложностях совместного творческого процесса, а как произошло ваше знакомство?

Как и многое в жизни – случайно. Приехав в Нью-Йорк, я искал комнату и увидел на доске объявлений одно приглянувшееся мне предложение. Моей квартирной хозяйкой стала Анна Фейгина, дама русского происхождения, с которой мы вели долгие беседы на кухне. Однажды она пригласила меня в субботу к чаю. Ее гостями были три человека – высокий подтянутый господин с женой и сыном. Это была семья

"Дар" Владимира Набокова в переводе Майкла Скаммелла

я Владимира Набокова. Оказалось, что Анна Фейгина была двоюродной сестрой Веры Евсеевны Набоковой и уже раньше рассказывала ей о моем переводе Федина. Началась переписка с Верой, в ходе которой она предложила мне перевести последний написанный по-русски роман ее мужа, «Дар». Несколько месяцев спустя я взялся за работу, поразив, по словам Веры Евсеевны, Набокова быстротой своего продвижения.

Что стало с Вашей перепиской?

Некоторые письма сохранились у меня, а все, что было у Набоковых, находится в Нью-Йоркской публичной библиотеке. Я сам об этом узнал от Стейси Шифф, которая обнаружила этот архив, работая над книгой «Вера». Тогда я пошел и сделал копии.

Вы переводили и Толстого, и Достоевского, но временем Вас все больше, видимо, привлекали авторы, не получившие признания в СССР. Из-под Вашего пера вышли английские переводы Анатолия Марченко, Владимира Буковского, Вы подготовили для издательства ПОСЕВ сборник «Другие российские писатели», а также «Советское неофициальное искусство» и «Из-под глыб», в который вошли, в частности, рассказы Солженицына.

Мой интерес к диссидентам возник во время работы на Русской и Восточноевропейской службе Би-Би-Си. А пока я работал над переводом Марченко, я узнал от английского поэта Стивена Спендера о секретном письме, отправленном представителям интеллигенции Восточной Европы двумя известными советскими диссидентами, Павлом Литвиновым и Ларисой Богораз, с просьбой о моральной и гуманитарной поддержке их движения за уважение прав человека в СССР. У них было одно условие – такая поддержка должна была быть предложена и жертвам правых репрессивных режимов. Спендер, который активно боролся за политическую и социальную справедливость, принял условие и обратился за помощью к владельцу и главному редактору либеральной английской газеты Дэвиду Астору.

Дэвид, несмотря на принадлежность к знаменитому клану Асторов и огромное личное состояние, разделял сходные идеи: его ближайшим другом был Джордж Оруэлл, Нельсон Мандела вспоминал о нем, как о вернейшем сподвижнике Африканского национального конгресса во времена, когда западная пресса его просто игнорировала. И вот этот незаурядный человек, вместе со Спендером, предложил мне возглавить новую организацию, Writers and Scholars International, после чего я задумал основать журнал «Индекс по цензуре» (Index on Censorship), увидевший свет в 1972 году. В этом издании мы писали об узниках совести в разных странах, не только СССР, и публиковали рассказы, стихи, отрывки из романов многих подцензурных писателей, включая, кстати, Солженицына, Бродского и других русских авторов.

22.8.74.

Дорогой г. Майкл Скаммелл!

Я уезжаю из Цюриха до 6 сентября и решил написать Вам, чтобы о поездке ко мне Вы не торопились в днях – не так просто ехать Вам вслед мне здесь, да и дело, по сути, вполне терпит. Уж встретиться, так обстоятельно, познакомиться, поговорить обо всем сразу, быть может ответить на Ваши вопросы по переводу и о дальнейшей работе.

Если Вам удобно – приезжайте 7-го сентября с утра, и я не буду этого дня занимать другими делами. Но если срочность сдачи перевода "Архипелага" такова, что не хотелось бы прерываться до слачи, – можно встретиться и во второй половине сентября. Напишите или позвоните, как Вам удобно.

Простите, не написал Вам во время: в утере преамбулы к "Письму Бохему" Вы были не виновны, я неосознанно упрямился Вас.

Дружески жду руку.

A. SOLZHENITZYN
Schaffhausen 42
CH-8300 Zürich

Письмо А. Солженицына М. Скаммеллу с приглашением встретиться в Цюрихе (из архива М. Скаммелла)

Когда Вы впервые побывали в СССР?

В 1970 году. Жил в гостинице «Националь», искал писателей и диссидентов. Находившийся тогда в Москве немецкий ученый Карл Аймамахер ввел меня в круг, так сказать: познакомил со скульптором Вадимом Сидуром, несколько его работ украшают мой дом. Через Сидура, с которым я проводил много времени, познакомился со Львом Копелевым, чешской переводчицей Лидой Душковой, активной участницей Пражской весны и другими очень интересными людьми.

А это правда, что Лев Копелев прозвал Вас Мишей Скамейкиным?

(Смеется) Правда! Но это было позже, когда я вернулся в Москву в 1973 году. Копелев, помимо того, что был прекрасным германистом и активным правозащитником, обладал чудесным чувством юмора.

Однако с Копелевым у Вас связаны, я думаю, не только веселые воспоминания.

Да, была одна история – в которой, естественно, Копелев абсолютно не виноват! Он просто пригласил меня как-то на дачу, но через пять минут после того, как электричка тронулась, в вагон вошли двое, попросили меня предъявить документы и сняли с поездки – под тем предлогом, что, будучи иностранцем, я не имел права отъезжать от Москвы больше, чем на 25 км. Понятно, конечно, что к этому моменту меня уже «вели». Было это в 1973 году.

Эта история имела продолжение, о которой писал [Жорес Медведев](#).

Да, действительно. После эпизода в электричке, при моем выезде из СССР в аэропорту меня подвергли обыску – и нашли, что искали.

Дело в том, что серьезно болевшая тогда Лидия Корнеевна Чуковская очень нуждалась в лекарствах, достать которые в Москве было невозможно. Тогда она решила отказаться от авторских гонораров, полагавшихся ей за две изданные на Западе книги, в обмен на медикаменты. Она поручила мне передать доверенность на получение денег Жоресу Медведеву. Я долго думал, как бы получше спрятать эту записку, и засунул ее в пачку английского чая. Но, увы, в аэропорту меня ждали профессионалы – они изъяли и доверенность, и все сделанные мною во время поездки записи.

Давайте перейдем, наконец, к теме, ставшей поводом для нашей встречи – Ваша работа над биографией А.И. Солженицына. Первый вопрос – как Вы познакомились с Александром Исаевичем?

10 мая 77

Дорогой Майкл,

простите великодушно, что заставляю Вас пребывать в неясности о построении Вашей поездки: уезжала в Вашингтон.

Конец мая - начало июня нам неудобно, так что приезжайте во второй удобный Вам срок. Напишите нам уже из Америки или позвоните. Телефон: (802) 226-7710. Если будете звонить от друзей - пожалуйста, звоните *by collect*, иначе наш номер будет зафиксирован на их телефонном счете в конце месяца, такой здесь порядок. Нечего и говорить, что номер этот не следует никому давать. Увы, не помню, сообщила ли я Вам наш "ближний" почтовый адрес. Повторяю на всякий случай: *PO Box. A*, Ludlow, VT 05149*. Из Нью-Йорка можно ехать автобусом прямо в *Ludlow*, это 10 минут от нас, мы Вас встретим. Можно лететь самолетом в *Lebanon, N.H.*, это от нас около часа. Так или иначе - Вы нам сообщите.

Желаю удачной поездки,

Ваша

Письмо Н. Солженицыной к М. Скаммеллу с приглашением в Вермонт (из архива М. Скаммелла)

К сожалению, во время поездки в СССР в 1973 году познакомиться мне с ним не удалось, так как Солженицын тогда скрывался. Я смог бегло встретиться с ним в 1974 году, когда он приехал в Цюрих. Тогда в ответ на мою просьбу о разрешении писать биографию он сказал: «Мешать не буду, но и помогать не буду». Но «санкционировал», так сказать, мои расспросы окружавших его людей. После такого относительного благословения я заключил с издательством Hutchinson контракт и приступил к работе.

С чего она началась?

С одного довольно милого эпизода. Больше всего информации о родителях Солженицына и его детстве можно найти в «Августе 1914». В процессе изучения этой книги я отправился в Британский музей в Лондоне, где нашел старые карты - русские, времен Первой мировой войны, и британские - времен Второй мировой. На одной из этих карт, выпущенной в 1912 году, я нашел хутор Солженицына - отметил на карте и послал ему. Александр Исаевич был тронут и решил, что «надо помочь этому молодому человеку», то есть мне.

За этим последовало приглашение в Вермонт, куда чета Солженицыных переехала из Швейцарии.

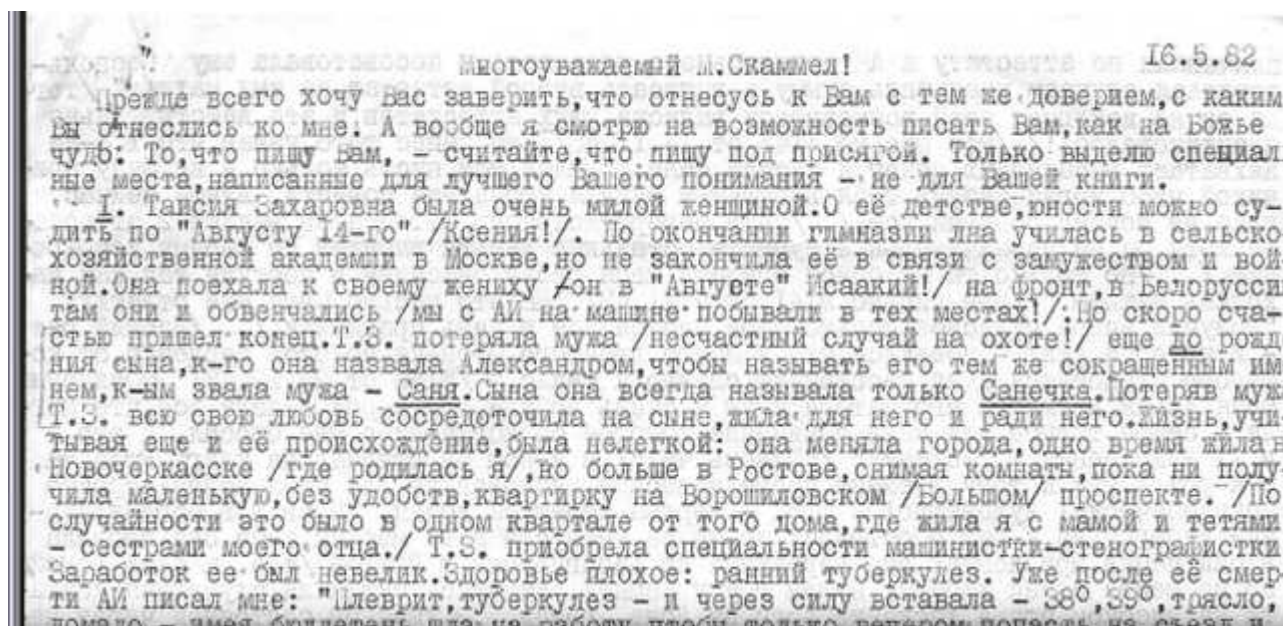
Совершенно верно. В течение недели мы встречались ежедневно в 16 часов, когда Солженицын делал перерыв в работе. Садились за стол на свежем воздухе, пили пиво и по два часа беседовали.

Какое впечатление он произвел на Вас тогда?

Он показался мне самым харизматичным человеком, которого я когда-либо встречал. Во всем проявлялась невероятная сила его характера. Когда он пристально смотрел на Вас, этот взгляд был завораживающим, почти гипнотизирующим. Он был для меня героем, и это впечатление сохранилось.

Но визит в Вермонт закончился, а работу надо было продолжать...

Вернувшись в Англию, я активно писал, но не хватало массы деталей. Тогда я начал переписку с Солженицыным, как в свое время с Набоковым. Он ответил на два-три письма, а потом сказал, что все, нет времени. Мне такое нетерпение показалось тогда неразумным. А главное – что было делать? Где брать информацию для биографии? И вот тогда через Жореса Медведева я познакомился с первой женой Солженицына, Натальей Решетовской.

Начало письма Н. Решетовской М. Скармеллу

В окололитературных кругах говорят, что именно Ваши контакты с Решетовской привели к «непризнанию» написанной Вами биографии самим Солженицыным и его окружением. Это так?

Вполне может быть. После печально известных мемуаров Решетовской, «В споре со временем», изданных АПН, от нее отвернулось большинство поклонников Солженицына. Эта книга попала ко мне – с просьбой высказать мое мнение. Я сравнил две опубликованные главы с оригиналами мемуаров и увидел явные расхождения, сравнил версии описанных событий у Решетовской и у Солженицына – в некоторых случаях ее версия казалась более правдоподобной. Но тогда и заикнуться было нельзя, она стала изгоем. У меня закралось сомнение насчет этой книги – теперь же о том, как Натальей Алексеевной манипулировали, хорошо известно: этому посвящена ее книга «АПН – я – Солженицын. Моя прижизненная реабилитация». Увы, прижизненной реабилитации не получилось – книга вышла в 2004 году, а Решетовской не стало в мае 2003-го.

Со временем изменилось и Ваше мнение о Солженицыне.

Мое мнение о его политических и социальных взглядах стало меняться после его печально знаменитой [речи в Гарварде](#) 8 июня 1978 года.

Работая в СССР, занимаясь исключительно литературой, он полностью полагался на свои инстинкты, на свою интуицию, но этого недостаточно было для понимания Запада, особенно сложной политической и общественной жизни в Америке, хотя он и сам в то время там жил. Когда же от литературы он перешел к политике, религии – интуиция его, на мой взгляд, подвела, а со многими высказываниями и идеями я в корне не согласен.

В 1985 уже упоминавшийся выше Лев Копелев написал Александру Солженицыну крайне нелестное письмо, [преданное гласности](#) пять лет спустя. В нем, анализируя причины изменений в мировоззрении писателя, он указывал, в частности, на то, что Солженицын «утратил обратную связь с большинством соотечественников и здесь, и там». Согласны ли Вы с таким мнением?

Более или менее согласен. Мне кажется, Солженицына в какой-то момент постигло «головокружение от успеха», приведшее к отмежеванию от бывших друзей и к почти полной самоизоляции. Это, по-моему, было крупной ошибкой. По возвращению в Россию его сближение с властью тоже многих, мягко говоря, удивило. И тем не менее, ранние произведения Солженицына, как и его незаурядная жизнь вообще, не утратили своего литературного и исторического интереса, и их нужно продолжать читать и перечитывать.

В мае Вы вышли на пенсию, с тех пор успели побывать в Женеве, в Праге, Вене, Любляне и Лондоне, то есть заслуженный отдых протекает у Вас крайне активно. А каковы планы на ближайшее будущее?

Передо мной стоят, по крайней мере, две огромные задачи – навести порядок в собственных мемуарах и подготовить новую редакцию перевода «Преступления и наказания» для публикации в серии Modern Library. А по всей вероятности, появится и третья, тоже огромная: отредактировать, сократить и дополнить мою биографию Солженицына, чтобы она включила последние 30 лет его жизни. Так что с Россией я расставаться не собираюсь!

Майкл Скаммелл подписывает биографию Солженицына на террасе женевского кафе
(© Nasha gazeta.ch)

[Владимир Набоков](#)

[Александр Солженицын](#)

[Вера Набокова](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/12043>